

Глава L. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ПРАВ

Как только уничтожена была королевская власть, Конвент с первых же своих заседаний должен был заняться феодальными правами. Но так как жирондисты противились их уничтожению без выкупа, а сами не предлагали никакой системы выкупа, обязательной для помещиков, все оставалось по-прежнему. А между тем вопрос о феодальных правах был главным для большей половины населения Франции. Освободится ли, наконец, крестьянин? Или же его снова вернут под феодальное иго, и он будет по-прежнему голодать, как только закончится революционный период?

Через девять дней после того, как жирондистские главари были изгнаны из народного представительства. Конвент, как мы сейчас видели, выпустил закон, возвращавший общинам их мирские земли. Но он колебался еще некоторое время, прежде чем высказался по вопросу об уничтожении феодальных прав. Только месяц спустя (17 июля 1793 г.) решился он нанести окончательный удар, которым революция завершалась и узаконялась в одной из двух главных своих задач — в окончательном уничтожении пережитков феодализма.

21 января 1793 г. перестала существовать королевская власть. Теперь, 17 июля 1793 г., законом уничтожались феодальные права, т. е. крепостная зависимость одного человека от другого.

Декрет 17 июля 1793 г. был совершенно ясен. Различия, установленные обоими предыдущими собраниями между различными феодальными правами в надежде сохранить хотя бы некоторые из них, теперь уничтожались. Всякое право владельца земли, имевшее феодальное происхождение, переставало существовать.

«Все платежи бывшим помещикам, все феодальные права, как постоянные, так и случайные, даже те, которые утверждены были декретом минувшего 25 августа, уничтожаются без всякого выкупа», — гласит статья 1 закона 17 июля 1793 г. Исключение есть только одно: остаются арендные платежи и обязательства исключительно земельные, не феодальные (ст. 2).

Таким образом, истолкование феодальной платы (т. е. крепостного обязательства) как арендной платы за землю, как это сделано было законами 1790 и 1791 гг. — отменялось безусловно. Мало того, если какая-нибудь арендная плата или какое бы то ни было

обязательство крестьянина имели феодальное происхождение (из времен крепостного права), каково бы ни было наименование этой аренды или обязательства, — они уничтожались навсегда без всякого выкупа.

По закону 1790 г. выходило так, что, если крестьянин нанимал землю с обязательством платить ежегодно столько-то, он мог выкупить эту землю и стать ее собственником, выплатив сумму, равную 20 или 25-летней аренде. И крестьяне принимали это условие. Но, прибавлял тот же закон 1790 г., если, кроме земельной ренты, помещик наложил когда-то на арендующего крестьянина еще какой-нибудь платеж или обязательство феодального характера, например налог на наследство, или на продаваемые крестьянином продукты, или какие-нибудь ленные обязательства (службы), или какое бы то ни было личное обязательство (например, обязательство пользоваться помещичьей мельницей, или его печью, или давилом для приготовления вина, или же платеж натурой части продаваемых продуктов, или ограничение права продажи своего хлеба не раньше известного срока), или, наконец, платеж при прекращении аренды, или при продаже земли новому владельцу, тогда арендатор обязан был выкупить и это феодальное обязательство, вместе с земельной рентой.

Теперь Конвент поступал революционным путем. Он ничего знать не хотел обо всех этих феодальных вымогательствах. Если крестьянин, арендующий вашу землю, несет какое бы то ни было обязательство феодального характера, какого бы то ни было наименования, оно уничтожается безусловно. Или же ваш арендатор платит вам ренту за землю, и в этой ренте ничего нет феодального; но в придачу к этой ренте вы наложили на него какое-нибудь ленное обязательство или личную повинность феодального характера. Если так, то он становится владельцем земли, ничего вам не выплачивая.

Вы скажете, может быть, что обязательство было пустое, что оно просто выражало почет и не имело денежной ценности. Тем хуже. Вы, значит, хотели сделать вассала из своего арендатора, и вот теперь он стал вольным владельцем земли, на которой лежало феодальное обязательство, родившееся из крепостного права. Некоторые частные лица, говорит г. Саньяк*, «иные из чванства, другие в силу обычая, тоже ввели такие обязательства: они внесли в свои контракты в придачу к ренте скромные обязательства феодального характера», они просто «играли в барина».

*Sagnac Ph. La legislation civile de la Revolution fransaise. Paris, 1898, p. 147.

Тем хуже для них. Конвент теперь не спрашивал их, хотели ли они только поиграть в барина или стать барином взаправду. Он знал, что все феодальные повинности сперва были скромные, что не помешало им стать впоследствии очень тяжелыми. Во всяком случае такой договор носил следы крепостной зависимости, как все те, которыми помещики в течение веков закрепощали крестьян и Конвент отдавал теперь эту землю крестьянину, не требуя от него никакого выкупа.

Более того, Конвент велел (ст. 6), чтобы все «акты, в которые записаны феодальные права, были сожжены». Помещики, нотариусы, хранители земельных сделок — все должны были не позже трех месяцев снести в канцелярию своего муниципалитета все эти акты и хартии, где

вписаны были права одного класса над другим классом. Все это следовало сложить в кучу и сжечь. То, что взбунтовавшиеся крестьяне делали в 1789 г., рискуя быть за то повешенными, делалось теперь в силу революционного закона. «Пять лет в цепях всякому хранителю таких актов, который будет уличен в утайке, похищении или тайном хранении записей или выборок из записей». Многие из этих договоров утверждали права государства на феодальные земли, так как государство тоже имело в свое время крепостных, а потом — своих вассалов, т. е. крепостных владельцев. Пусть так! Но феодальное право должно исчезнуть — и оно исчезнет. То, что Законодательное собрание сделало относительно феодальных титулов, уничтожив звания князя, графа, маркиза. Конвент делал теперь по отношению к имущественным правам феодалов.

Шесть месяцев позже, 8 плювиоза II года (27 января 1794), ввиду многочисленных жалоб, особенно нотариусов, которые записывали в той же книге, нередко на той же странице, договоры чисто земельные и обязательства феодальные, Конвент решил приостановить действие 6-й статьи. Муниципалитетам было позволено хранить в своих архивах записи смешанного характера. Но помимо этого закон 17 июля 1793 г. оставался в полной силе и еще раз 29 флореаля II года (18 мая 1794 г.) Конвент подтвердил, что «все аренды, имеющие малейшую примесь феодализма», уничтожаются: земля переходит к арендатору без всякого вознаграждения владельцу.

Особенно заслуживает внимания то, что реакция не смогла уничтожить результатов этой громадной революционной меры. Конечно, от писаного закона до его исполнения на месте, на деле, еще очень далеко. Поэтому там, где крестьяне шли, как, например, в Вандее, под начальством помещиков и духовенства против республиканцев; там, где деревенские муниципалитеты остались в руках богатых людей, декреты 11 июня и 17 июля так и не были приложены к делу. Крестьяне не вернули себе свои общинные мирские земли. Они не вступили в безвозмездное владение землями, которые снимали у помещиков на феодальном праве. Они не сожгли феодальных актов. Они даже не покупали церковных имуществ из боязни, что их проклянет церковь.

Но в доброй половине Франции крестьяне покупали церковные земли. В некоторых местах даже заставили продавать им малыми участками. Они вступили без выкупа во владение землями, которые арендовали у своих бывших феодальных владельцев. Они сажали майские деревья, плясали вокруг них и жгли на площади все феодальные бумаги. Они отнимали у монахов, у господ, у буржуа отобранные было у них общинные земли. И в таких местностях реакция, когда она вернулась в силу в 1815 г., ничего не смогла сделать, чтобы уничтожить совершившуюся уже экономическую революцию.

Реакция началась уже 9 термидора, т. е. 27 июля 1794 г., а с ней начался и белый террор разбогатевшей буржуазии. Затем пришла Директория, пришло Консульство, а за ним — Наполеоновская империя. После поражения Наполеона пришла в 1814, а затем в 1815 гг. бурбонская Реставрация, и они смели почти все демократические учреждения, установленные революцией. Но земельная часть совершенного революцией переворота осталась: она выдержала все последовательные нападения. Реакция была в силах уничтожить до некоторой степени политическое дело революции; но экономическое дело осталось. Осталась также новая нация, создавшаяся во время революционного переворота.

Еще одно нужно сказать. Когда мы изучаем экономические результаты Великой революции, как она совершалась во Франции, мы постигаем громадную разницу, какая существует между уничтожением крепостных отношений, совершенным бюрократически, самим же феодальным государством (как оно было совершено в Пруссии после 1848 г. или же в России в 1861 г.), и уничтожением, совершенным путем революции. В Пруссии и в России крестьяне заплатили за освобождение от феодальных и крепостных повинностей потерей значительной части некогда принадлежавших им земель и выкупали остальные на разорительных для них условиях. Крестьяне впали в бедность, чтобы получить землю, свободную от крепостных обязательств, тогда как помещики, сперва сопротивлявшиеся уничтожению крепостного права, в сущности извлекли из него — по крайней мере в плодородных областях — неожиданные для себя выгоды. Кроме того, почти везде в Европе, кроме Франции, освобождение крестьян увеличило государственную власть помещиков.

Только во Франции (и во французской Швейцарии), где уничтожение феодальных отношений совершилось революционным путем, переворот обратился против экономической и политической касты бывших рабовладельцев, на пользу громадной массе крестьян.

Вот урок Великой французской революции. Для достижения этого ей потребовалось четыре года. Революции не делаются ни в один день, ни даже в несколько месяцев. Нужно время для развития их требований и для осуществления этих требований.